

МЕСТО РАЗВЕДЧИКА - ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

У Евгения Примакова есть шанс помочь всем

Евгений Примаков вернулся после лечения из Швейцарии и приступил к исполнению роли сфинкса, в молчание уста которого завороченно смотрит вся политически обеспокоенная Россия. Почти никто не верит, что подлечившийся академик потратит остаток своих дней на писание книг. Так бесхозяйственно распорядиться капиталом своей популярности — возможно ли это для умного политика? Проще допустить, что стоическое молчание — необходимое условие примаковских приготовлений.

Если образ политика соответствует глубоким стремлениям широких масс, если у них возникает «любовь» к нему, то дальше этот политик может довольно долго уже ничего особенного не делать — чувства людей обладают определенным запасом инерции. Не суевающийся, не дающий интервью и даже еще ни разу не говоривший открыто о своих «президентских амбициях» Примаков по всем рейтингам продолжает опережать потенциальных кандидатов. Его полюбили, ибо он всем своим существом идеально воплощает доминирующее сейчас настроение, которое условно можно назвать «умеренной реакцией».

Чрезмерно негативное отношение к слову «реакция» так же неверно, как и чрезмерно позитивное отношение к слову «революция». В той или иной форме реакция должна следовать за революцией, как зима за летом или ночь за днем. И прогресс так же не осуществляется революциями, как и не отбрасывается назад реакциями на них. Все европейские, да и не только европейские, посткоммунистические страны уже прошли через реакции на свои «бархатные» и не такие уж «бархатные» революции, вернув к власти «перестроившуюся» бюрократию когда-то тоталитарных партий. Это не только не ликвидировало демократические завоевания, но, напротив, укрепило их. Сейчас эти страны находятся уже в следующей фазе — «реакции на реакцию», сопровождающейся возвращением тоже «перестроившихся» и поумневших за время пребывания в оппозиции демократов. Но российский путь, как всегда, особый.

В отличие от своих партийных аналогов в других странах, зюгановская КПРФ — это псевдоревOLUTIONционная (или псевдоконтрреволюционная) оппозиция, которая не способна прийти к власти. Наличие оппозиции, даже в такой форме, как КПРФ, — одно из наших важнейших достижений, в какой-то мере КПРФ все же ограничивает произвол властей и своим бытием поддерживает демократический процесс. Поэтому запрет КПРФ означал бы просто ликвидацию последних неформальных элементов нашей демократии. Но оппозиция, которая не может прийти к власти (и не пускает на свое место тех, кто смог бы) — это объективно опора власти, которая, зная, что альтернативы ей нет, может коррумпироваться спокойно и без особых волнений. КПРФ, увы, главная опора ельцинского режима, мощное бревно, лежащее на пути нашего демократического развития.

Если во второй тур в 2000 г. снова проходит Зюганов, все остается по-прежнему. Как девушку может обидеть каждый, так и у Зюганова выиграет любой кандидат от «партии власти». В результате восстановится ельцинский режим без

Ельцина, а с каким-то другим президентом, другой «семьей» и другим «кассиром Абрамовичем». Однако сейчас существует и иная возможность. Последовательно уничтожив всех своих потенциальных преемников, Ельцин объективно открыл путь для неожиданных комбинаций, создал определенный «зазор», в котором развитие страны может пойти «незапрограммированным» и более демократическим путем. Одна из таких комбинаций — отказ КПРФ от претензий на президентский пост и поддержка коммунистами кандидатуры Примакова. По некоторым данным, такая комбинация обсуждается «заинтересованными сторонами» — разумеется, в режиме строгой секретности, что совершенно естественно для подобного рода переговоров.

Что означала бы поддержка Примакова для КПРФ? Я думаю, умные коммунисты (несомненно, есть и такие) понимают, что оппозиция, не способная прийти к власти, в конце концов становится никому (кроме Ельцина или будущего Ельцина II) не нужной и обречена на умирание. Завоевать какие-то властные позиции она может лишь в одном случае — в составе коалиции, во главе которой стоит фигура, не вызывающая в обществе чрезмерных страхов — явно не коммунист, не фашист и не потенциальный диктатор. Кто бы это мог быть?

Теоретически такую роль в свое время мог сыграть Явлинский. Но лидер «Яблока» — плоть от плоти «разночинной» демократической интеллигенции, отдельные представители которой были вынесены наверх «революционной волной», вызванной Горбачёвым. Для вожаков КПРФ, представляющих собой в основном старую партийную бюрократию, пойти «под Явлинского» было бы психологически очень трудно, как и ему — пойти к ним и к их электорату. Это мог бы быть и Лужков, чей брак с КПРФ многие считали чуть ли не свершившимся. Однако в последние месяцы столичный мэр сказал о коммунистах так много недружелюбных слов, что их пакт уже вряд ли возможен.

Примаков же подходит для этой роли идеально. Между пожилым ученым-разведчиком, даже своим внешним видом и манерами напоминающим о «старом добром брежневском времени», и коммунистами не может быть такого психологического отторжения, как между ними и Явлинским. Более того, уже есть опыт участия коммунистов в правительстве Примакова — «правительстве народного доверия», отставленном «антинародным режимом». И наконец, ясно, что Примаков к единоличному правлению ельцинского типа не перейдет и на второй срок баллотироваться не будет. Коммунисты могут «пойти под Примакова», не потеряв лица, избежав слишком уж больших противоречий в партии и слишком уж большого риска.

Правда, в конечном счете КПРФ все равно обречена — в составе правящей коалиции так же, как и в роли вечной оппозиции. Но коммунистическим лидерам должно быть не безразлично, кончить ли им свои карьеры в благородных должностях первых вице-премьеров или оставаться вечными нез'дачниками, пугалами, консолидирующими «антинародный режим». Для коммунистов «пойти под Примакова» — это, может быть, последний шанс сделать нормальные карьеры и стать «полуправящей» партией. Что же означает это для страны?

Не будучи поклонником Примакова (не говоря уже о КПРФ), я уверен, что никаких изменений к лучшему в случае победы такой коалиции в экономическом плане быть не может, а во внешнеполитическом плане возможны только ухудшения. Но никаких катастроф тоже не произойдет, а «долгосрочные плюсы», как мне кажется, могут значительно перевесить «краткосрочные минусы».

Победа такой коалиции означала бы, что наш народ впервые в своей истории действительно избрал демократическим путем верховную власть, а не просто подтвердил своим голосованием решение «Политбюро». Причем избрал такую власть, которая гарантированно не будет ликвидировать демократические институты. Кроме того, это был бы способ мирной и относительно безболезненной нейтрализации КПРФ, которая, переместившись во власть, потеряет протестный электорат, свое лицо и свою функцию.

Такое перемещение КПРФ означало бы также освобождение «оппозиционного места» и переход наших «демократов» и части распадающейся в этом случае «партии власти» в оппозицию. Это, может быть, одно из самых положительных следствий возможной победы такого блока. Наши «демократы», допущенные в политику Горбачёвым, а затем восемь лет обретавшиеся в свите Ельцина, так и не научились бороться за власть демократическим путем, апеллировать к широким массам «простых» людей. В оппозиции им пришлось бы этому учиться, пришлось бы становиться демократами без кавычек. И как гипотетический примаковский блок стал бы зародышем более или менее нормальной демократической «левой», так в оппозиции возникла бы нормальная, массовая, способная побеждать на выборах «правая».

Одним словом, приход к власти коалиции Примакова с коммунистами был бы российским вариантом той первой ротации власти, которая уже давно произошла в других посткоммунистических странах, ознаменовав окончательное закрепление там демократических институтов. А это в конечном счете куда важнее для нашего развития, даже чисто экономического, чем темпы «экономических реформ», которые без реальной демократии обречены быть реформами, обогащающими никем не контролируруемую «элику», постепенно доворывающую стратегические запасы, доставшиеся от СССР. Наконец, последнее — чем такой вариант событий был бы для Примакова? Невозможно сказать, хочет ли Примаков стать президентом, ясно лишь, что страстного желания стать им во что бы то ни стало, любой ценой, у него нет. Но у него вполне может быть желание пойти на это для того, чтобы «красиво» завершить свой жизненный путь — не в статусе чиновника, более или менее честно служившего всем режимам, а человеком, пришедшим к власти вопреки решению начальства, по воле народа. И тем самым выполнить нужную стране миссию.